

ИММИГРАНТ

А. МЕММИ

Писатель
(Тунис)

Мы (русские, немцы, французы) - разные. Но нас немало объединяет: хотя бы христианство - пусть разные, но христианские корни наших цивилизаций. Нас объединяет и то, что НАМ приезжают ОНИ - африканцы, арабы, узбеки, таджики, турки... При максимуме доброжелательности (не везде и не всегда) мы нередко хотим, чтобы ОНИ стали НАМИ, то есть русскими узбекского происхождения, немцами - турецкого, французами - арабского.

Авторы этого предисловия, конечно, такой сентенцией упрощают проблему.

Тут же возникает вопрос: а ОНИ этого хотят? Как ОНИ воспринимают НАС? Мало того: почему, например, молодые граждане арабского происхождения во Франции или Бельгии, родившиеся в этих странах, и не знающие другого языка, кроме французского, вдруг начинают убивать НАС (как совсем недавно французов и бельгийцев) и готовы - не за деньги, а за свои «идеи» - быть убитыми?

Пусть террористы - крошечное меньшинство, но ведь они выражают определенную тенденцию!

Понять ее можно, только если Мы хотя бы мысленно, хотя бы на время превратились в НИХ. А для этого прочли сочинение «Иммигрант», написанное выдающимся литератором и философом, одним из НИХ - профессором Сорбонны, тунисцем по происхождению - Альбером Мемми.

Он родился в Тунисе в 1920 году. Он автор широко известных романов и публицистических портретов, написанных по-французски и переведенных на два десятка языков. К 95-летию Альбера Мемми Национальный центр научных исследований Франции издал книгу «Антология портретов», в которой представлена его публицистика.

«Иммигрант» - это отрывок из книги, хотя воспринимается как самостоятельное литературное произведение. Оно посвящено возможности интеграции выходцев из африканских и азиатских стран в европейскую цивилизацию. Альбер Мемми пишет о своих «собратьях», иммигрантах - порой с болью и надрывом, порой просто как мыслитель, пытающийся остаться «над схваткой».

По нашему мнению, хотя с момента публикации «Иммигранта» прошло более десяти лет, его актуальность и злободневность только возросли.

**А. ВАСИЛЬЕВ, академик РАН,
С. ПРОЖОГИНА, доктор филологических наук, ИВ РАН**

Эмиграция - не специфичное явление деколонизации, она существовала и существует в большинстве стран экономически и политически слаборазвитых. Она - продукт нищеты, страха, голода, неясного будущего, что толкает людей к тому, чтобы покинуть родную страну. История вообще - это и история миграций, и, следовательно, различного рода смешений культур и народов. Сегодня мы, быть может, вступили в эру всемирных волнений, когда это передвижение народов еще более возрастает.

* Albert Memmi. Portrait du décolonisé. P., 2004.

Под воздействием религий, благословляющих неконтролируемый рост рождаемости, безответственности политиков и других факторов в экс-колонизованных странах, появилось много молодежи, в среде которой в условиях отсутствия рабочих мест возникают частые волнения, растет преступность, и которая не видит для себя иного пути, кроме эмиграции.

С другой стороны, невозможность удовлетворить возросшие потребности своего населения (несмотря на значительные ресурсы), показывающая бессилие правительств, как бы подталкивает часть экс-колонизованных к выезду. Не провоцируя людей открыто на эми-

грацию, правительства не делают ничего, чтобы удержать их в стране. Порой даже им помогают уехать. Но есть и такие страны, как, например, Марокко, где своих иммигрантов, осевших в Европе, уговаривают вернуться. Заир тоже делает все возможное, чтобы уехавшие не очень долго задерживались там.

А европейцы, вопреки дипломатическим декларациям, закрывают глаза на тех, кто фактически является торговцами человеческим мясом, на криминальным путем организованную переправу эмигрантов по морю, злоупотребляющих доверием тех, кто гибнет в пути. Им обеспечены административные лазейки, указаны места «разгрузки»

эмигрантских лодок и катеров, указаны пункты приема беженцев, которых нужно как-то защитить на французских и итальянских берегах, - правда, оттуда прибывшие эмигранты часто перебираются в Германию или Англию. И кажется, что это выгодно всем. Но особенно перевозчикам, когда на их суденышках оказываются женщины с детьми: их берут за полцены, но на них возлагаются особые надежды торговцев живым товаром, потому что этот контингент эмигрантов может «разжалобить» европейских таможенников и смягчить их требования... Правительства тех стран, откуда идет поток эмигрантов, умудряются как-то «давить» на европейские страны, торговаться с ними по поводу наплыва своих людей, требуя взамен каких-то таможенных послаблений для себя или расширяя зоны рыбной ловли около своих берегов для европейцев. Один из африканских лидеров даже сказал: «Никто в Европе не может остановить иммиграцию!» Вероятно, что так оно и есть: ничего нельзя предпринять против инстинкта выживания. Кто-то из его коллег, тоже благосклонный к эмиграции, не менее цинично предупредил: «Африка отныне уже прилипла к вашей заднице!..»

Когда-то Каддафи, финансирующий террористов по всему миру, объявил эмиграцию новым оружием в борьбе с Западом... И теперь через Ливию проходит большинство эмигрантских путей - из Нигерии, Сомали, Марокко... Именно здесь беженцев сажают на утлые суденышки, которые должны доплыть до берегов Европы. Даже осторожные тунисцы оказались причастны к этому эмигрантскому трафику и предоставили свои морские порты в распоряжение торговцев людьми. Но катастрофы в море оказались неизбежными: здесь и вина жадных до денег владельцев лодок и катеров, набивавших суденышки до отказа несчастными людьми, и жуткие санитарные условия, и всякие уловки, к которым прибегают инициаторы подпольной эмиграции. Но ничто не может погасить жажду людей, решившихся на отъезд из страны. А правители спят спокойно, и ничто не тревожит их совесть... В общих чертах можно даже сказать, что в перспективе мировой геополитики

иммиграция, в т.ч. исламская, будет чем-то вроде орудия мирной экспансии.

Естественно, что сам иммигрант об этом не думает. Если он решил проблему с визой, если выжил в опасном путешествии через море, если не утонул, не задохнулся и не замерз в грузовике, в котором его увозили бесчестные «проводники», если сумел обмануть бдительность стражей таможни и пограничников на разных границах в разных государствах, если его не надули, обобрав до нитки, если он, в конечном счете, преодолел все препятствия в этой чудовищной игре людьми как медными грошами, то у него возникнет ощущение, что он прошел сквозь чистилище. Еще немного и он, встав на колени, упадет к земле, чтобы поцеловать ее, - ведь он думает, что обрел свое Эльдорадо...

ДВОЙНАЯ НЕУДАЧА

Магрибинский иммигрант в этом плане имеет некоторое преимущество. Помимо «доброжелательности» своего собственного государства, он может рассчитывать на относительную толерантность консульства страны, в которую эмигрирует, ее принимающего общества. Он может получить туристическую визу, которую рассчитывает продлить каким-то образом - с согласия или без ононого тамошних властей, рискуя при этом стать нелегалом. Но это еще когда будет!.. А пока он может приземлиться в аэропорту Орли, если у него есть деньги на авиаперелет, или высадиться с корабля в марсельском порту, куда прибудет без всяких приключений. А потом уже поедет на поезде в Париж, где выйдет на площадь перед Лионским вокзалом. Иногда это происходит не в первый раз: когда-то он ездил сюда на каникулы... Сейчас надо устроиться с жильем, хотя он не очень беспокоится об этом: как-никак, культура этой страны понятна ему, он знает ее нравы и обычаи. Разве он, экс-колонизованный, не в своей бывшей метрополии?

Куда он пойдет? Такси, специализирующиеся на такого рода приехавших, уже поджидают его на вокзале. Водители, вопреки закону, возьмут с него чрезмерную плату, произвольно установленную ими для всех иммигрантов, несмо-

тря на то, откуда они прибывают. Конечно, они не поедут с ним ни в Нейи, ни в Пасси, или в другие богатые кварталы или предместья Парижа, ни на улицу Бак, ни в район церкви Сэн-Сюльпис... Иначе прибывший не был бы иммигрантом, но каким-нибудь «другом Франции», для которого была бы заранее снята вилла с садом или квартира в каком-нибудь из благополучных столичных округов. А настоящий иммигрант попросит отвезти его к брату, к кузену или к другу в те бедняцкие поселения, которые заменили собой прежние бидонвили на окраинах столицы или Лиона. Ведь жизнь там куда дешевле, да и можно найти места, где помолиться, поесть свои национальные блюда, найти привычные продукты, пряности, кошерное мясо...

Именно здесь иммигрант и познает свое Эльдорадо, о котором ему писали, оказавшись во Франции, его соотечественники, увидит своими глазами эту «землю обетованную», так долго им вожделенную... Узнает, что устроиться на работу здесь не так просто, а полицейский контроль куда более жесткий, чем дома... Он узнает, удивившись: чтобы добиться работы, надо иметь разрешение и особое свидетельство - «вид на жительство», который выдают только в том случае, если у тебя есть эта самая работа...

На улицах, в метро, как ему покажется, люди на него смотрят совсем по-другому, чем на своих, французов. Или разговаривают с ним как-то подчеркнуто вежливо, с подозрительной любезностью... Короче, здесь все не так просто и естественно, как ему мечталось; он чувствует, что оказался вовсе не из тех, кому здесь говорят «Добро пожаловать!» И как большинство людей, оказавшихся на чужбине, он испытает, скорее, к стране, принявшей его в свое лоно, какую-то беспокойную благодарность, а хотелось бы проявить свою верность ей... Он должен констатировать с разочарованием, что та любовь, которую он приготовился продемонстрировать Франции, вовсе не разделяется ее истинными гражданами. И обнаружит, что иммиграция, далекая от разрешения его собственных бед, еще и приносит беду самой Франции, и поймет, что будет испытывать здесь двойной

крах - и неудачи, постигшие его на родине, и те, что испытывают здесь его новые хозяева.

Эмиграция, исход людей со своей земли - один из дополнительных знаков бессилия молодых наций, их невозможности решить свои внутренние проблемы, прокормить всех своих детей, обеспечить им минимум комфорта существования, минимум свобод, без которых нельзя дышать и в отсутствии которых ищут выход только в бунте. Африканские и азиатские страны идут на потерю значительного числа еще молодых, здоровых людей, способных работать, зачастую образованных, интеллигентных, имеющих дипломы инженеров, просто соблазненных мечтой о более достойной и более приятной жизни. По этой же причине не возвращаются к себе на родину врачи, получившие образование в медицинских вузах Европы, выпускники европейских университетов, специалисты, в которых остро нуждаются их страны...

Для экс-метрополии иммиграция - живое напоминание о крахе колониализма, когда французское знамя развевалось над колоссальными территориями, где царило французское господство и угнетение многочисленных народов. Бывший колонизованный добился того, что требовал: независимости, самостоятельного государства, собственной армии. И зачем ему теперь устраивать свою жизнь в бывшей метрополии, которую он, как утверждали, «ненавидел»? Теперь он - живой упрек, вечное напоминание о прошлом. Особенно если иммигрант - не русский или румын, а магрибинец. Он - продукт колонизации, ее побочный сын, он - источник вечного раскаяния.

В общем, коренной житель метрополии согласился бы с существованием иммигранта на своей земле, если бы тот был невидимкой или немым. Однако с некоторых пор демографический рост иммигрантского слоя настолько стал заметен, что обрел уже угрожающую конфигурацию. А подогреваемый своей все растущей численностью населения во Франции осмеливается повышать голос, да еще на родном языке, да одеваться в свои традиционные одежды! Уже тут не до мук совести и воспоминаний о прошлом, о своем историческом проигрыше. Отсюда - полный

разброд, царящий в умах французов, когда начинаешь с ними затрагивать проблему последствий деколонизации.

Для бывшего колонизованного существует только одно мнение: «Они нас достаточно пограбили! Пусть теперь расплачиваются с нами! Требуем компенсации!» А это значит - работа и документы, позволяющие ее иметь, а не слоняться повсюду в поисках рабочего места или сидеть на улицах, подпирая стены домов. И даже когда дело доходит до оккупации церквей бездомными иммигрантами, этот акт не кажется скандальным или незаконным: наоборот, они думают, что таким образом возвращают себе долг бывших своих колонизаторов.

Те, кто защищает в метрополии права иммигрантов, не имеющих «вида на жительство», вспоминают о вкладе бывших колонизованных в помощь Республике, когда она вела войну с Германией, да и потом, когда они помогли восстанавливать разрушенное хозяйство Франции: «Мы им многим обязаны!» Защитники иммигрантов считают, что их всех необходимо снабдить нужными документами и паспортами, свидетельствующими о французском гражданстве, что поможет им выйти «из подполья», перестать быть «нелегалами», «натурализоваться» и стать «как все»: иметь право голоса и не считаться «иностранцами». И действительно, если понаблюдать за судьбами этих несчастных эмигрантов, приехавших сюда в добровольную «ссылку», увидеть все их мытарства, было бы бесчеловечно отказывать иммигрантам в требовании улучшить их положение, их участь на чужбине.

Но правда также и в том, и это утверждает другая часть общества, не сочувствующая иммигрантам, что в таком случае, если страна открывает двери всем жаждущим в ней находиться и жить, то вообще будут нарушены все законы Республики, все понятия о ее национальных границах, территории и государстве. Если выдавать паспорта всем, кто их требует, значит, позволить занять национальную территорию всем иностранцам, кто этого желает. Что же станет тогда с единой нацией? Как можно предугадать, чем вообще грозит Франции наплыв иммигрантов, почти бесконтрольное их вторжение?

Ведь это люди другой культуры, и как она будет влиять на культуру французскую, на ее принципы, на экономику страны, на ее демографию? Внедрить иммигрантов в национальную почву, значит, способствовать закату христианской цивилизации, и так уже находящейся под угрозой исчезновения! Эта обеспокоенность, более или менее оправданная, сказывается во Франции на ходе выборов, когда становится все больше и больше сочувствующих «правым» партиям.

Так, может быть, надо покрепче, поплотнее закрыть двери страны? Не закрывать глаза на все ухищрения эмигрантов и уже живущих здесь иммигрантов? Ведь все их «хитрости», особенно в провинции, давно известны, как, например, заключение фиктивных браков с француженками, прием на работу по поддельным документам, использование благотворительных организаций в найме жилья и т.п. ...

Но все не так просто. Ведь общество нуждается в рабочих руках. Его беспокоят и демографические проблемы. И оба фактора взаимосвязаны: сама по себе Европа стареет, в четырех европейских странах из десяти смертность превышает рождаемость. Ну и как, из каких фондов платить пенсии? Сейчас французские (и вообще европейские) женщины больше озабочены своей карьерой, что раньше было уделом мужчин, чем потомством. Они мало рожают и не способствуют демографическому росту нации... Европейская индустрия тоже в упадке, она просто нуждается в руках иммигрантов.

Однако, несмотря на это, города Европы полны без дела шатающимися молодыми людьми. Они уже составляют общественную угрозу, и Европа не чувствует себя в безопасности; наоборот, живет, словно в осажденной крепости... Осажденные вынуждены поддерживать отношения с осаждающими, потому что нуждаются в их помощи. В этом состоит источник некоей растерянности и даже угнетенного состояния духа для принимающего иммигрантов общества...

Раньше уже случалось принимать польских шахтеров, без помощи которых угольные шахты Франции не могли эксплуатироваться. Приезжали на работу итальянские каменщики, потом - португальцы, испанцы... Но это были все неболь-

шие группы людей, они составляли во Франции незначительные этнические меньшинства. Культуры их были схожи с французской, да и религия была одна. В конечном счете все они ассимилировались.

Сегодня иммигранты - это многочисленная масса, компактная, связанная абсолютно другой религией и культурой, другими обычаями и нравами. Как их интегрировать? Какой ценой платить за их интеграцию? Когда-то, в эпоху колонизации Алжира, многие были убеждены, что для того, чтобы предотвратить взрывы недовольства алжирцев, надо их сделать гражданами Франции, всех, без исключения. На что генерал де Голль заметил, что в таком случае в национальном собрании Франции будет несколько десятков депутатов-мусульман, что само по себе кажется, как полагал де Голль, недопустимым, и большинство французам было с ним согласно. Что стало бы тогда с единой французской нацией? С ее относительной цельной национальной идентичностью?

50 лет спустя, по иронии истории, французы, ранее предпочтя отказ от колоний в пользу сохранения национальной специфики, снова находятся перед решением этой же проблемы. Видимо, правда, что иммиграция - это наказание за колониальный грех...

Но что может иммигрант, находясь перед стеной недоверия и подозрительности в отношении себя? Отныне вместо того, чтобы завоевывать свои позиции дальше и стать нормальным гражданином Франции, в чем ему отказывали раньше, он выбирает некую дистанцию и противостояние. Ему предлагают ясность во взаимоотношениях, открытость, а он, наоборот, уходит в тень, прячется в гетто, предпочитая самосохраниться.

ГЕТТО: УБЕЖИЩЕ И ТУПИК

Гетто - это не просто заменитель Земли обетованной, конечно же, иллюзорной и разочаровавшей иммигранта. Но это еще и дубликат покинутой родины. В каких-то улочках и переулках городских окраин, где обосновались иммигранты, находятся их молебные дома, места отправления исламского культа, где какие-то новоявленные имамы, весьма экзотического вида, учат почитать Коран и куют со-

лидарность всех мусульман. Здесь же соседствуют уютные кофейни, где за стаканчиком чая или в процессе игры на дешевых автоматах можно посмотреть и телевизионные передачи, идущие по североафриканским каналам или из Египта, или Саудовской Аравии. Здесь же находятся и их мясные лавки с арабскими вывесками, которые приглашают отведать «халяльное» мясо. Здесь же и бакалейные лавочки, в которых в шумном беспорядке, как на базаре, продаются продукты, необходимые для приготовления блюд, к которым привыкли с детства... Тут же рядом, прямо на тротуарах устроились торговцы молитвенными ковриками, резиновыми сандалиями, кухонными принадлежностями, пластиковыми тарелками...

Главное - здесь нет «чужих глаз», здесь все - «свои»... И даже если не все они друг друга знают, лица всех привычные, как бы давно знакомые, и все чувствуют себя почти «как дома», почти на родине... Внутри жилища иммигранта тоже все по образу и подобию его гетто, заменившего родину: яркие, разноцветные подушки, ковры, привезенные еще из-за моря, «оттуда», или заменяющие их китайские подделки марокканских... Стоят чайные сервизы из чеканной меди, привезенные торговцами из восточных стран; маленькие, низкие столики, имитирующие восточную мебель в гостиных для чаепития; на стене - репродукция Каабы, черного мекканского камня. Из крошечной кухни доносятся те же запахи восточной кухни, что царят и на улицах. К окну или крыше приделана телевизионная антенна - тарелка, которая в наше время значит куда больше, чем почтовый ящик для писем от родных и знакомых: ведь она связывает хозяина жилища со всеми мусульманами мира, со всеми «братьями» по вере...

Эту иммигрантскую «концентрацию», одновременно физическую и культурную, которую титульная нация, особенно во Франции, опасается и разоблачает, называют «коммунитаризмом». Преувеличивая его опасность, порождая к нему недоверие и недовольство им, французы считают, что коммунитаризм иммигрантов есть доказательство их нежелания интегрироваться в «коллективное тело»

единой нации. Это почти правда, но только наполовину.

Гетто - как улиточная раковина, как черепаховый панцирь для миноритарных групп общества. Ведь эти меньшинства тоже уважают себя, всячески охраняя свое собственное существование. И чтобы как-то избежать опасности и угроз, они словно замыкаются», вползают в свои ракушки и наглухо закрываются там, где им кажется, что они обрели свое убежище... Во всяком случае они так полагают и этого хотят. Эти их иммигрантские поселения позволяют им лучше разобратся в своих собственных проблемах, которые неизбежно возникают на чужбине, и специфика которых не всегда известна или приятна национальному большинству. Например, если речь заходит о необходимости соблюдать религиозные установления, догмы, или выражать свои политические привязанности и взгляды. Понятно, что исламские «интегристы» - сторонники гетто. Ведь там коллективная идентичность легче выживает, и там, среди иммигрантов им легче осуществлять свои замыслы и поддерживать постоянную агитацию в свои ряды...

Несмотря ни на что, иммигрант живет именно в гетто, но почти ежедневно сталкивается с тем, что понимает, что гетто не есть решение всех его проблем и бед. Да, гетто в какой-то степени стало убежищем, оно - не тюрьма, хотя и «закрытое» место, но не настолько, что он не может из него выходить. И он выходит: и на работу, и по необходимому административным делам. Так или иначе, он сталкивается ежедневно с *другим миром, миром внешним*. И он, этот мир, все больше и больше проникает в него. Иммигрант начинает себя сравнивать с тем, кем он был, и каким он стал. И понимает постепенно, что гетто не решило никаких проблем, связанных с необходимостью сосуществования с этим «другим», «внешним» миром. И порою раздражается кризис сознания, что противоречия неразрешимы, что невозможно совместить мусульманские и республиканские устои, религию и мирскую жизнь, царящую вокруг. Ну как, к примеру, совместить исламские нормы женского поведения с обычной жизнью французских женщин?

А он, иммигрант, несмотря ни на что, все-таки хочет интегрироваться, хочет этого и для себя, и для своей семьи, своих детей. И постепенно этот процесс все-таки идет. Литературная продукция иммигрантов еще полна описаний трудностей и противоречий интеграции, ностальгии по родной стране, утверждения своей магрибинской идентичности, но и не лишена мечты о будущем. А оно не мыслится уже без полной своей адаптации в принимающем обществе... Эмигрант одновременно и очарован западным миром, победу которого он молчаливо оценивает. Но и возмущен тем, что приходится так или иначе расставаться с какими-то своими традициями жизни, со своей коллективной идентичностью... Вот и живет он практически в состоянии перманентного кризиса...

ИСЛАМСКИЙ ПЛАТОК ИЛИ МЕТИСАЦИЯ

Дело о запрещении ношения мусульманского платка женщинам в общественных местах в этом плане очень поучительно. Конечно, все знали, что этот платок - выражение подчинения исламскому обычаю, этнорелигиозной традиции, наподобие нательного креста, который носят католики, или протестантской голубки, или кипы иудеев, т.е. выражение некоего костюмированного конформизма. Моя бабушка, хотя и не была мусульманкой, никогда, например, не выходила на улицу, на завернувшись в свой «хаик» - покрывало из белой ткани, которое закрывает мусульманок с головы до ног.

Но события, которые сотрясли арабо-мусульманский мир, и особенно война против Ирака, придали иные аспекты этому явлению. Неожиданно появилось много женщин в этих платках, которые раньше его не носили, ходили с непокрытой головой. Одни утверждали, что это - выражение их свободы («Мы разве не свободны здесь, во Франции?»), не задумываясь о том, что именно республиканская свобода освобождает их от обязанности подчинения религиозной догме, которая, на самом деле, их только порабощает. Другие считают, что «мусульманский платок защищает женщину от взглядов мужчин». Тогда почему бы не защищать

мужчин от женских взглядов? Получается, что для того, чтобы защитить женщину от вождения мужчины, ее надо делать абсолютно нежеланной, некрасивой, наподобие того, как иудейкам специально обривали голову, превращая их в лысых, некрасивых, но правозверных. И разве надо уважать женщин только за то, что они подчиняются религиозной догме, которая их «защищает»?

Новые носительницы мусульманского платка, закрывающего голову женщины, участвуют в процессе регрессии исламского мира, отвергая лозунг истинного освобождения женщины, который торжествует практически во всем мире. Мусульманки продолжают, таким образом, подчиняться тайному страху перед мужчинами. Сегодня требование мусульман о ношении наголовного платка становится знаменем определенной идеологии: «Вам не нравится, значит, вы не любите мусульман, их вид вас раздражает! Так вот, мы, мусульманки, специально вам будем своим видом мозолить глаза! Пусть все знают, что я из тех, кто вами горю!»

Таким образом, платок уподобляется портативному гетто, свидетельствующему о кризисном состоянии идентичности, которое манифестируют мусульмане, о том, что они хотят как-то укрепить, упрочить свою уже пошатнувшуюся «целостную» идентичность, дистанцируясь от французов, демонстрируя свое отличие.

А после платка - что дальше? Может быть, мусульмане во Франции уже подвергли критике основные законы Республики, равенство полов, медицину для всех, нерелигиозное светское образование?.. Платок - это только один аспект более общего поведения, которое связано с опорой на другую традицию жизни. Все ее проявления (не только ношение платка, но и строгое соблюдение рамадана, потребление особого мяса) составляют в совокупности механизм выживания мусульманской общины, находящейся в недрах христианского мира или, что еще хуже - просто нерелигиозного. Отсюда - взаимная обеспокоенность, тревога, непрекращающиеся ярые дебаты.

Но несмотря на все волнения,

большинство иммигрантов за интеграцию, которая решает проблему мусульманской «специфики» совсем по-другому. Это не просто и не легче, ибо, в конечном счете, наступает некое культурное смещение, метисация. Отсюда и затруднения арабских интеллектуалов, решающих сложные вопросы о том, какова будет доля принятия иммигрантами западных нравов, европейских традиций, и как это повлияет на будущее арабских народов? Они полагают, что если бы их послушались, то в дальнейшем было бы разрешено ношение мусульманского платка, даже если и произойдет культурное «смешение». Но все равно будущее остается неясным, его побаиваются...

«Смешанные» браки в плане «метисности» очень показательны и поучительны. Известно, что половина молодых французов иудейского вероисповедания, заключающие брачный союз с французженками-католичками (хотя такие браки не приветствуются раввинами), не желают разрушать свою принадлежность к еврейской общине... Эта проблема стоит и перед мусульманами, решившимися на брак с французженкой, и перед представителями других национальных меньшинств во Франции, полагающих, что таким образом ускорится процесс их ассимиляции.

Но ассимиляция никогда не была удобным процессом. Партнеры по смешанному браку, так или иначе, будут испытывать неизбежные противоречия и расхождения с той этноконфессиональной средой, к которой они принадлежали с рождения, и с той, к которой теперь примкнули. Ну как правоверный иудей будет работать по субботам? А правоверный мусульманин есть свинину в студенческой столовой? Им всем остается или вынужденно принять трудную неизбежность какого-то «внедрения», компромиссы, или замкнуться на своей «специфичности», которая все еще разделяет французских «сограждан», или же сознательно согласиться на постепенное «саморастворение»...

*Перевод
с французского языка
С.В. ПРОЖОГИНОЙ*

(Продолжение следует)